

Яна Примаченко

Украинская историческая политика и Холокост: проблемы осмысления*

Восприятие Холокоста в Украине тесно связано с оценкой коммунистического прошлого, формированием собственной национальной памяти и национально-культурным возрождением¹. В 2000 году принятие Стокгольмской декларации превратило Холокост в объект транснациональной памяти², а в Украине в этот период только завершился процесс ликвидации так называемых «белых пятен» национальной истории. Конструирование украинского исторического нарратива XX века сфокусировалось на самовиктимизации, которая отодвигала, а иногда и вовсе исключала Холокост. Анализ государственной исторической политики дает ключ к пониманию, как изменялось восприятие Холокоста в украинском публичном дискурсе и какие факторы влияли на осмысление этой темы.

Для граждан Украины интерпретация истории Второй мировой войны все еще является главным маркером национальной и политической идентичности. Нацистская политика «окончательного решения» и стремление Сталина создать вдоль юго-западной границы Советского Союза этнически гомогенный пояс, который бы раз и навсегда положил конец угрозе потенциального украинского ирредентизма, привели к радикальным демографическим и этническим изменениям многонациональной структуры украинского общества³. Как указывает Владислав Гриневич, в исторической памяти о Второй мировой войне Украина выступает в разных ипостасях: «она жертва сталинской и гитлеровской оккупации; она страна, которая противостояла двум тоталитаризмам; она «коллаборант»; она страна-победительница и основательница ООН; она во второй раз проиграла борьбу за независимость и национальную государственность»⁴. Не удивительно,

---

*Английская версия статьи была ранее напечатана в сборнике *The Holocaust in Eastern and Western European States Occupied by the Nazis: Studies and Memory* (Kaunas, 2017).

¹ Гриневич В. Бабин Яр в офіційній політиці пам'яті сучасної України // Україна модерна. 26 мая 2017. <http://uamoderna.com/blog/vladislav-grinevich/babyn-yar-current-memory-policy>;

² Ассман А. Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти // Историческая экспертиза. 28 июня 2017. http://istorex.ru/page/assmann_a_suschestvuet_li_globalnaya_pamyat_o_holokoste_rasshirenie_i_granitsi_novogo_soobschestva_pamyati.

³ Рібер А. Громадянські війни в Радянському Союзі // historians.in.ua. 18 июля 2017. <http://www.historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/369-alfred-rib-er-hromadianski-viiny-v-radianskomu-soiuzi>.

⁴ Грицак Я. Історія і пам'ять: амнезія, амбівалентність, активізація // Україна: процеси націєтворення / Упоряд. А. Каппелер. К., 2011. С. 380.

что такое наследие создает поле для состязания разных коллективных памятей о Второй мировой войне и, соответственно, украинской идентичности.

Ярослав Грыцак, исследуя процесс эволюции исторической политики в Украине, отмечал ее нелинейность, что приводило к противоречиям, которые он сформулировал в виде четырех пар дихотомий: 1) высокий уровень амнезии vs быстрая скорость ее преодоления; 2) высокий уровень амбивалентности vs несовместимость нарративов; 3) зоны консенсуса относительно прошлого vs глубокое разделение памятей; 4) относительно легкие манипуляции с памятью vs довольно высокий уровень общественного сопротивления манипуляциям⁵. В современной Украине присутствует по меньшей мере четыре взаимоисключающих нарратива Второй мировой войны: 1) российский, основанный на концепции Великой Отечественной войны и борьбы советских партизан против немецких оккупантов и их пособников; 2) польский, который подчеркивает борьбу Армии Краевой против иностранных оккупантов и УПА; 3) западно-украинский героический нарратив ОУН/УПА и их борьбы против советского тоталитаризма; 4) еврейский, который сосредоточен на организованном нацистами и их славянскими пособниками Холокосте⁶. Сюда можно добавить и крымско-татарский нарратив сталинской депортации 1944 года, который до недавнего времени был даже более маргинализированным в украинском публичном пространстве, нежели Холокост.

Поляризация украинского общества провоцируется рядом факторов: отсутствием общего опыта Второй мировой войны у граждан Украины; постколониальным синдромом общественного сознания, когда часть украинцев все еще является заложниками старой имперской идентичности; влиянием Второй мировой на современный миропорядок⁷. Украина в ее современных границах также является «продуктом» Второй мировой. На первый взгляд может показаться, что Крым, который вошел в состав Украины в 1954 году, является исключением. Однако при более детальном анализе становится очевидным, что решение о присоединении Крыма к СССР было продиктовано упадком экономики и депопуляцией полуострова в результате войны, депортации крымских татар и других национальных меньшинств.

После распада СССР начался процесс национализации Второй мировой войны, который привел к формированию разных версий когда-то общей советской истории Великой Отечественной войны. Для России победа над нацизмом стала важным фактором легитимации советского наследия. С начала 2000-х миф Вели-

---

⁵ Kappeler A. From an Ethnonational to a Multiethnic to a Transnational Ukrainian History // A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography / Ed. G. Kasianov, Ph. Ther. N.Y., 2009. P. 55; Пентер Т. Українці та «Велика вітчизняна війна» // Україна: процеси націєтворення. С. 323.

⁶ Гриневиц В. Війна за війну // Критика. 2012. № 6(176). С. 19.

⁷ Журженко Т. «Чужа війна» чи «спільна Перемога»? Націоналізація пам'яті про Другу світову війну на українсько-російському прикордонні // Україна Модерна. 2011. № 8. С. 103.

кой Отечественной стал активно инкорпорироваться в структуру российской исторической политики. Победа над нацистской Германией, в отличие от индустриализации, коллективизации, голода и репрессий, была едва ли не единственным позитивным вкладом коммунистического режима в мировую и отечественную историю. К тому же, победа над нацизмом использовалась Россией как символический капитал в борьбе с прозападными элитами бывших советских республик (Латвии, Литвы, Эстонии и Украины), чьи национально-освободительные движения делали ставку на Гитлера в период Второй мировой войны⁸. Накануне Евромайдана в российском историческом и публичном дискурсе активно эксплуатировался имидж украинских националистов как главных пособников «окончательного решения» еврейского вопроса⁹. А среди наибольших «раздражителей» украинской истории тема ОУН/УПА занимала второе место, поступаясь лишь новому пантеону (анти)героев украинского нарратива, где знаковыми фигурами являются лидер ОУН(б) Степан Бандера и главнокомандующий УПА Роман Шухевич¹⁰.

В настоящий момент на постсоветском пространстве присутствуют два доминирующих видения Второй мировой войны. Первое, которое основывается на российской культуре памяти о Великой Отечественной войне, подчеркивает российский патриотизм, замалчивая преступления сталинизма. В политическом плане такой подход может рассматриваться как попытка реабилитировать некоторые формы советского тоталитаризма. Второй подход характерен для Балтийских стран и Украины. Он сфокусирован на борьбе местных национально-освободительных движений против советского тоталитаризма и требует равных оценок относительно преступлений, совершенных Гитлером и Сталиным. Как отмечает Виктория Суковатая, оба подхода опасны, поскольку «служат созданию современных политических мифологий вместо того, чтобы способствовать независимым историческим и философским исследованиям, они также имеют четко выраженную антидемократическую тенденцию»¹¹.

Противостояние по линии ОУН/УПА – Холокост, как и инструментализация этого противостояния для формирования негативного образа Украины и украинцев советской пропагандой, существенно повлияло на становление исследований

---

⁸ Дюков А. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008. С. 152; Фішбейн М. Єврейська карта в російських спецопераціях проти України (Доповідь на 26-й конференції з української проблематики Іллінойський університет, Урбана-Шампейн, США. 24-27 червня 2009 року) // Радіо Свобода. 10 июля 2007. <http://www.radiosvoboda.org/content/article/1774059.html>.

⁹ Касьянов Г., Смолій В., Толочко О. Україна в російському історичному дискурсі: проблеми дослідження та інтерпретації, К., 2013. С. 92.

¹⁰ Sukovata V. Teaching Holocaust and Genocide Studies in Modern Ukraine: Problems and Perspectives // *The Holocaust in Ukraine: Sources and Perspectives*. Washington, 2013. P. 203.

¹¹ von Hagen M. Does Ukraine Have a History? http://shron.chtyvo.org.ua/Mark_von_Hagen/Does_Ukraine_Have_a_History7__en.pdf.

украинского национально-освободительного движения в среде украинской диаспоры.

В конце XX века развал Советского Союза спровоцировал идеологический, теоретический и методологический вакуум в украинской гуманитаристике, что дало повод американскому историку Марку фон Хагену написать статью с провокационным названием «Есть ли у Украины история?»¹². В этот период украинские историки обратились к работам украинской диаспоры США и Канады, которые создали альтернативный советскому украинский исторический нарратив. Часть наработок диаспоры, в особенности тех, которые касались советского периода, были инкорпорированы в новый украинский нарратив местами без надлежащего критического осмысления¹³.

На исследования истории Второй мировой войны в среде украинской диаспоры США и Канады повлияли два фактора: 1) внутренний – отсутствие консенсуса между представителями разных групп украинской общины; 2) внешний, который возник в следствии противостояния украинской и еврейской общины США. Несмотря на общие галицийские корни большей части украинской диаспоры, понимание между представителями старых и новых, поствоенных, эмигрантов (т.н. «третьей волны») отсутствовало. Между ними пролегла громадная мировоззренческая пропасть. Старое поколение исповедовало левые политические взгляды, в то время как новоприбывшие – правые. Потомки первой и второй волны эмигрантов ассимилировались в американское / канадское общество и не проявляли особой активности в культурной жизни диаспоры. Большинство из них служили в американской / канадской армии и не понимали критической позиции новых эмигрантов по отношению к советской власти в Украине. Для них Советский Союз был союзником по антигитлеровской коалиции¹⁴.

На рубеже 1970–80-х годов правительства Соединенный Штатов и Канады инициировали кампанию пересмотра гражданского статуса бывших перемещенных лиц исходя из возможной причастности последних к нацистским преступлениям, в частности, к Холокосту. Специфика репатриационных процессов в поствоенной Европе сделала главной мишенью фактической «люстрации» украинцев, литовцев, латышей и эстонцев, которым удалось избежать возвращения в СССР апеллируя к факту, что они не имели советского гражданства на 1939 год.

В США для этой цели даже создали Бюро специальных расследований (БСР), которое сотрудничало с КГБ, поскольку большинство преступлений, инкриминированных бывшим перемещенным лицам, было совершено на территории Советского Союза. Это сотрудничество стало объектом жесткой критики юристов,

---

¹² Грицак Я. Украинская историография 1991-2001: десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 427-428.

¹³ Himka J.-P. A Central European Diaspora under the Shadow of WW II: The Galician Ukrainians in North America // *Austrian History Yearbook*. 2006. № 37. P. 21.

¹⁴ Kupchinsky R. Nazi War Criminals: The Role of Soviet Disinformation // *Ukraine During World War II: History and Its Aftermath – A Symposium* / Ed. Y. Boshyk. Edmonton, 1986. P. 143.

которые указывали на явный конфликт интересов. Характерно, что в этот период в СССР любые упоминания Холокоста были запрещены, а улучшение отношений между представителями украинской и еврейской общины Соединенный Штатов и Канады, которое наблюдалось в 1960–70-х годах, очень беспокоило советские спецслужбы¹⁵.

Дискуссия, возникшая в ходе кампании, имела конкретную юридическую и этическую составляющую, а исторические аргументы стали решающими. Реакцией на эти события стало конструирование представителями украинской диаспоры мартирологического нарратива, который позиционировал украинцев как жертв разных оккупантов, главным из которых была Россия. Новый нарратив делал ударение на Голодоморе и ОУН/УПА, которые боролись против большевиков. Впоследствии мартирологический нарратив был взят на вооружение некоторыми украинскими политиками. Общественное мнение отнеслось к нему неоднозначно, особенно та часть украинского общества, которая испытывала ностальгию по Советскому Союзу. С 2000 года ностальгические настроения и дискурс холодной войны активно эксплуатировались Российской Федерацией, чье влияние обеспечивалось присутствием российского телевидения в украинском информационном пространстве. Эти настроения также активно поддерживались пророссийски настроенной украинской элитой, которая также оказывала влияние на формирование государственной исторической политики.

Украинский историк и гражданский активист Виталий Нахманович полагает, что Россия умело использует специфику современного западного общества, в частности его интерес к теме Холокоста и популярность левой идеологии среди большинства западных интеллектуалов. К тому же это позволяет Российской Федерации заигрывать с Израилем и еврейской диаспорой, которые имеют свою собственную мифологию Шоа¹⁶.

Наиболее простой способ описать историческую политику независимой Украины был предложен уже упоминаемым выше Ярославом Грыцаком, который использовал формулу трёх «А»: амнезия – амбивалентность – активизация¹⁷. «Амнезия» или «забывание неудобной истории», было основой советской мемориальной политики, главной целью которой было создание новой исторической общности – советского народа. В этой схеме украинцам и белорусам была отведена роль младших братьев россиян, которым они и должны были помогать строить и охранять советскую империю. Великая Отечественная война преподносилась как героический подвиг советского народа. Национально-освободительные движения трактовались исключительно как нацистские колла-

---

¹⁵ См. на эту тему: John Demjanjuk: Prosecution of a Nazi Collaborator // United States Holocaust Memorial Museum: Holocaust Encyclopedia. <https://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10007956>.

¹⁶ Нахманович В. Бабин Яр: місце пам'яті у пошуках майбутнього // Бабин Яр: історія та пам'ять / Ред. В. Гриневиц, П.-Р. Магочій. К., 2016. С. 318.

¹⁷ Грыцак. Історія і пам'ять. С. 365-380.

борационисты, а память о Холокосте была вытеснена и замещена. Согласно официальной версии жертвами нацистских оккупантов были «мирные советские граждане».

Во время президентской каденции Леонида Кравчука начался процесс национализации истории. Если амнезия была призвана стереть / дискредитировать деятелей, связанных с автономистскими тенденциями и стремлением украинцев к независимости (И. Мазепа, С. Петлюра, М. Грушевский, М. Хвилевой, С. Бандера), то национализация должна была вернуть репрессированных советской властью героев и историю (УНР, Директорию, ОУН/УПА). На этой волне «возвращения реальной истории» в дискурсе независимой Украины появилась тема Холокоста и Бабьего Яра как главного символа еврейской трагедии. В 1991 году в Украине впервые отметили 50-ю годовщину трагедии. Согласно постановлению Верховной Рады, мемориальные мероприятия были распланы на целую неделю, начиная с 28 сентября до 6 октября 1991 года. На центральных улицах Киева были установлены плакаты с надписью: «Вечная память. Трагедия Бабьего Яра никогда не должна повториться» на четырех языках – украинском, русском, идише и иврите. Также в Бабьем Яру был открыт новый памятник – «Менора». Во время митинга-реквиема глава Верховной Рады и будущий Президент Украины Леонид Кравчук произнес речь, в которой признал вину украинцев в Холокосте¹⁸.

Следующий этап в украинской политике памяти – этап «амбивалентности» – стал мейнстримом при правлении Леонида Кучмы. Его историческая политика балансировала между постсоветским и националистическим нарративом. В 1997 году к Леониду Кучме официально обратились представители Конгресса Украинский Националистов и Всеукраинского братства ОУН/УПА, которые требовали признания украинского освободительного движения одной из воюющих сторон во Второй мировой войне. Кучма распорядился создать государственную Комиссию по исследованию деятельности ОУН/УПА. В 2005 году комиссия представила результаты своей работы, в которых отсутствовала прямая рекомендация признать украинское освободительное движение воюющей стороной. С другой стороны, комиссия признала, что на персональном уровне, все бывшие солдаты УПА являются комбатантами¹⁹.

Фаза «активизации» была запущена администрацией Президента Виктора Ющенко, который инициировал историческую дискуссию вокруг темы Голодомора и ОУН/УПА. В 2006 году для более эффективной государственной исторической политики был создан Украинский институт национальной памяти (УИНП). Попытка Ющенко примирить ветеранов Красной Армии и УПА прова-

---

¹⁸ Гриневич. Бабин Яр в офіційній політиці пам'яті.

¹⁹ Організація Українських Націоналістів і українська Повстанська Армія: історичні нариси. К., 2005. С. 5-14.

лилась, а его решение присвоить звание Герой Украины Роману Шухевичу²⁰ и Степану Бандере²¹ посмертно, поляризовало украинское общество. Историческая политика Виктора Ющенко входила в конфронтацию с процессом возрождения мифа Великой Отечественной войны в России и привела к украинско-российским «войнам памяти». Российская Федерация манипулировала темой Холокоста для дискредитации прозападной украинской элиты, которая пришла к власти в результате Оранжевой революции.

Идея равных оценок преступлений, совершенных обоими тоталитарными режимами, возникла в кругах перемещенных лиц, прибывших в США и Канаду. Впоследствии она нашла свое воплощение в Пражской декларации о европейском сознании и коммунизме, подписанной 3 июня 2008 года. Инициированная рядом известных европейских политиков, историков и диссидентов, среди которых были Вацлав Гавел и Иоахим Гаук, декларация была выработана на основе результатов одноименной международной конференции, которая состоялась в Праге при поддержке Министерства иностранных дел и Комиссии сената по образованию, науке, культуре и правам человека Республики Чехия.

В декларации заявлялось, что нацистский и коммунистический тоталитарные режимы являются главной трагедией в истории XX века, ввиду чего подписанты предлагали: выработать общие критерии оценок и подходов к нацистским и коммунистическим преступлениям, а также их жертвам; установить общий день памяти 23 августа – дата подписания Пакта Молотова – Риббентропа; включить в европейские учебники истории информацию о преступлениях обоих тоталитарных режимов как предостережение для будущих поколений²².

Эти инициативы не нашли должной поддержки среди западноевропейских интеллектуалов, поскольку противоречили европейской концепции идентичности, которая базируется на Холокосте и культуре покаяния. Жертвами коммунистического режима были народы Центральной и Восточной Европы, чьи национально-освободительные движения и гражданское население были частично причастны к Холокосту. Второй причиной неприятия Пражской декларации стала популярность левых идеологий в западных научных кругах, где «болезнь левизны» не является чем-то отрицательным, а, наоборот, показателем высоких моральных качеств и образовательного уровня их носителя²³. Декларация была

---

²⁰ Указ Президента України про присвоєння Р. Шухевичу звання Герой України // Президент України: офіційне інтернет-представництво. 12 жовтня 2007. <http://www.president.gov.ua/documents/9652007-6491>.

²¹ Указ Президента України про присвоєння С.Бандері звання герой України // Законодавство України. 20 січня 2010. <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/46/2010>.

²² См. на эту тему: Prague Declaration on European Conscience and Communism. 10 October 2010. <http://www.praguedeclaration.eu/>; Platform of European Memory and Conscience. 17 August 2011. <https://www.memoryandconscience.eu/2011/08/17/new-webpage-test/>.

²³ Портнов А. Этюд о «левой» утопии, или Сомнению подлежит // Уроки истории XX века. 27 марта 2013. <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51716>.

воспринята лишь как попытка продвинуть новые национальные героические нарративы.

Эпоха постмодернизма отказалась от образа героев, сосредоточившись на ответственности за прошлое, образе жертвы, чему способствовал универсальный характер памяти о Холокосте. Как справедливо отмечает Татьяна Журженко, для западного общества героический нарратив утратил свое утилитарное значение, в то время как новые нарративы постсоветских государств несут потенциальный «заряд» партикуляризма и конфликтов между разными этническими и социальными группами. Национальные меньшинства, как правило, имеют свою память о Второй мировой войне, которая не всегда может автоматически принять новый героический нарратив титульной нации. Региональные аспекты культуры памяти могут еще более усложнить этот процесс²⁴. Попытки постсоветских государств найти баланс между героическим и мартирологическим компонентом национальных нарративов и в то же время вписать национальную историю в западноевропейский контекст провоцировали непонимание, в особенности, когда дискуссии касались темы преступлений коммунистического режима.

Главной причиной непонимания между западно- и восточноевропейскими историками относительно стремления последних осудить преступления коммунизма стала разная мировоззренческая позиция. Как считает украинский историк Андрей Портнов, для западной части Европейского континента марксизм – это часть интеллектуального наследия эпохи Просвещения, а не идеология, которая порождает политических монстров²⁵. В отличие от нацизма, опыт господствующего коммунизма для западного общества и ученых является чуждым.

Американский историк Тимоти Снайдер так охарактеризовал современное состояние исторической науки: «Баланс между сегодняшним и прошлым всегда тяжело удерживать... Задача становится совершенно недостижимой, когда коммеморативный импульс настоящего замещает собой прошлое. Таким образом, то что удобно представить, становится тем, что проще доказывать. В результате у нас не остается аргументированных пояснений, а только эмоциональные размышления. Коммеморативная обусловленность устанавливается границами сочувствия, которое само по себе становится ценным товаром»²⁶.

Украинское общество стало заложником этих тенденций. Правление Виктора Януковича ознаменовалось полным пересмотром мемориальной политики его предшественника. Администрация Президента инициировала лишение званий Героя Украины Степана Бандеры и Романа Шухевича²⁷, а также реанимировала

---

²⁴ Zhurzhenko T. Heroes into Victims: The Second World War in Post-Soviet Memory Politics // Eurozine. 31 October 2012. <http://www.eurozine.com/articles/2012-10-31-zhurzhenko-en.html>.

²⁵ Портнов. Этюд о «левой» утопии.

²⁶ Snyder T.D. Commemorative Causality // Eurozine. 6 June 2013. <http://www.eurozine.com/articles/2013-06-06-snyder-en.html>.

²⁷ Суд залишив Бандеру і Шухевича без звання героя // Українська правда. 2 августа 2011. <http://www.pravda.com.ua/news/2011/08/2/6442628/>.

старые мемориальные практики Великой отечественной войны. Суть исторической политики Януковича наиболее емко охарактеризовал Владислав Гриневич фразой «Вперед в прошлое!». Она была направлена на возрождение старого советского наследия и размывания украинской идентичности российской²⁸.

Из всего выше сказанного очевидно, что память о Холокосте не была представлена в государственной исторической политике Украины. Главное противостояние проходило по линии современного российского нарратива «Великой Отечественной войны» и героической истории ОУН/УПА. Тема Холокоста и Волынской трагедии стала объектом манипуляционной политики кремлевского руководства, которое представляла ее в традиционной парадигме «советских героев» и «бЕндеровских предателей»²⁹.

Отсутствие общего опыта Второй мировой войны и линейности государственной исторической политики на фоне агрессивного продвижения Россией старой советской «версии» провоцировали внутривнутриполитическое напряжение в Украине. Такая ситуация не позволяла начать дискуссию подобную той, что возникла в Польше после публикации книги Яна Томаша Гросса *Cocedi*. Украинским аналогом Гросса можно считать книгу Омера Бартова *Стертые*, которая сосредоточилась на упадке еврейского культурного наследия в Украине после Холокоста и массовой эмиграции украинских евреев в Израиль. Несмотря на то, что книга активно обсуждалась академическим сообществом, ее публичный резонанс был очень низким³⁰.

Тем не менее нельзя сказать, что за 25 лет существования независимой Украины ничего не было сделано в этом направлении. Польский историк Томаш Стрик указывает на два фактора, которые повлияли на процесс становления исследований Холокоста в Украине: 1) превалирование роли негосударственных организаций; 2) финансирование исследований частными фондами и западными структурами. По мнению ученого, такая ситуация обусловлена советским наследием, когда тема Холокоста не просто маргинализировалась, но и была объектом манипуляций. Фактически в Украине Холокост оказался между «Сциллой и Харибдой» – советским и националистическим нарративом. Это противостояние сдерживало процесс становления общеукраинской истории Второй мировой войны, поскольку оба нарратива не могли найти место для Холокоста³¹.

Сегодня в Украине можно выделить два крупных центра исследования Холокоста. Первый – Украинский институт изучения Холокоста «Ткума» – был осно-

---

²⁸ Гриневич. Війна за війну.

²⁹ В российском публичном дискурсе довольно часто встречалось искаженное прочтение фамилии лидера ОУН(б) и ее производных, таких как БЕНдера, бЕНдеровцы вместо Бандера и бандеровцы.

³⁰ Грыцак Я. Холокост по-простому // *Ab Imperio*. 2010. № 1. С. 128-137.

³¹ Стрик Т. Ставлення України до теми Голокосту: держава, суспільство і виклики пам'яті // *Невловні категорії: нариси про гуманітаристику, історію і політику в сучасних Україні, Польщі та Росії*. К., 2015. С. 241-242.

ван в Днепропетровске (теперь – Днипро) в 2000 году. Его возглавляет Игорь Щупак³². Второй – Украинский центр изучения истории Холокоста – был учрежден в 2001 году в Киеве и его директором является Анатолий Подольский³³.

Поворотным пунктом украинско-еврейских отношений стала Революция Достоинства 2013–2014 годов. Евромайдан стал пиком российских манипуляций темой Холокоста. Российские масс-медиа показывали активистов Евромайдана как фашистов, бЭндеровцев, потомков солдат дивизии «СС-Галичина». Используя сегментированность украинской коллективной памяти о Второй мировой войне, Кремль пытался посеять раскол в рядах сторонников майдана. Революция достоинства стала реакцией украинского общества на отказ Виктора Януковича подписать договор об ассоциации с ЕС. В своей основе Евромайдан имел четыре составляющие: 1) демократическую (против авторитаризма, произвола милиции и чиновников); 2) социальную (за социальную справедливость, против коррупции); 3) либеральную (за европейский цивилизационный выбор); 4) антиколониальную (против российского неоимпериализма и советской ментальности)³⁴.

Революция достоинства ускорила процессы формирования украинской политической нации. Майдан был представлен не только украинцами, но и национальными меньшинствами, включая евреев. Для противостояния российской информационной агрессии, которая эксплуатировала сложную историю украинско-еврейских взаимоотношений, протестующие граждане создали мем «жидобандеровцы»³⁵.

Среди тех, кто поддержал Евромайдан, был украинский олигарх еврейского происхождения Игорь Коломойский, впоследствии назначенный председателем Областной Днепропетровской администрации³⁶. Среди отрядов Самообороны Майдана был и еврейский, который возглавлял Натан Хазин³⁷. С началом российской агрессии на Донбассе многие евреев в качестве добровольцев вступили в ряды Вооруженных сил Украины. Эти факты позволяют нам говорить о феномене «украинского еврейства». Автором и активным промоутером этой идеи является украинский журналист еврейского происхождения Виталий Портников³⁸. Евромайдан активизировал украинско-еврейский диалог как на экспертном, так и на публичном уровнях. Был поднят целый спектр проблем, например, вопрос

³² Tkuma Ukrainian Institute for Holocaust Studies. <http://tkuma.dp.ua/index.php/en/>.

³³ Ukrainian Center for Holocaust Studies. <http://www.holocaust.kiev.ua/eng/index.html>.

³⁴ Шеховцов А. Украинская революция – европейская и национальная // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 2. С. 27-30.

³⁵ Откуда пошли «жидобандеровцы»? Исторический экскурс к вопросу Собчак // МК.RU. 18 декабря 2014. <http://www.mk.ru/politics/2014/12/18/otkuda-poshli-zhidoband-erovcy.html>.

³⁶ Коломойського призначено головою Дніпропетровської ОДА // УНІАН. 2 марта 2014. <https://www.unian.ua/politics/891932-kolomoyskogo-priznachenogolovoyu-dnipropetrovskoji-oda.html>.

³⁷ Командир еврейской сотни Майдана теперь спасает бойцов в зоне АТО // Факты. 9 декабря 2014. <http://fakty.ua/192310-komandir-evrejskoj-sotni-majdana-teper-spasaet-bojcov-v-zone-ato>.

³⁸ Portnikov V. The Phenomenon of the Ukrainian Jewry // YouTube. 16 мая 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=0OsBm2N4gC0>.

участия украинской вспомогательной полиции и освободительного движения в Холокосте. В этом контексте особое внимание было уделено 75-й годовщине трагедии Бабьего Яра.

Украинская государственная историческая политика претерпела ряд радикальных изменений. Пятый Президент Украины Петр Порошенко, избранный после Евромайдана, провозгласил курс на сохранение региональных идентичностей и плюрализм в вопросах политики памяти. Эти позиции он озвучил во время своей инаугурационной речи 7 июня 2014 года³⁹, но российское вторжение на Донбасс в августе 2014 года положила конец намерениям Порошенко.

Пиком российской информационной войны против Украины стал парад украинских военнопленных, организованный пророссийскими боевиками в Донецке 24 августа 2014 года – на день Независимости Украины⁴⁰. Очевидны параллели с акцией периода Второй мировой войны, когда в Москве 17 июля 1944 года колонны немецких военнопленных под конвоем провели по центральным улицам советской столицы⁴¹. Таким образом информационная война, которая проводилась Россией в символическом поле Второй мировой, привела к прямому возрождению старых военных практик. Стало абсолютно очевидно, что Украине нужен свой собственный нарратив Второй мировой войны. К тому же существовал общественный запрос на такую историческую политику.

9 апреля 2015 года Верховная Рада Украины приняла «декоммунизационный пакет», также известный как законы «чистого четверга», которые включали четыре закона:

- Закон Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики»;
- Закон Украины «Об увековечивании победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов»;
- Закон Украины «О правовом статусе и увековечивании памяти борцов за независимость Украины в XX веке»;
- Закон Украины «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов»⁴².

Декоммунизация взяла курс на интеграцию Украины в структуру европейской культуры памяти о Второй мировой войне. В украинские мемориальные практики был введен новый символ Красный мак и лозунг «Никогда больше». Тем са-

---

³⁹ Інавгураційна промова Петра Порошенка // YouTube. 7 июня 2014. <https://www.youtube.com/watch?v=LW8qT1fMA7Q>.

⁴⁰ По Донецьку провели колону пленных українських військовослужбовців // YouTube. 24 августа 2014. https://www.youtube.com/watch?v=adnBL_Nmeuc.

⁴¹ Марш пленных немцев в Москве // YouTube. 3 апреля 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=N4qlc8m19hI>.

⁴² Naukhman M. The Case of Decommunization // Критика. 5 мая 2015. <https://krytyka.com/en/solutions/opinions/case-decommunization>.

мым, Украина стала на путь создания интегрированного нарратива Второй мировой войны, в котором в равной мере нашлось бы место для истории всех этнических групп украинских граждан.

Политика декоммунизации подверглась жесткой критике со стороны как зарубежных, так и украинских ученых, интегрированных в западные институты. В адрес УИИП и его директора Владимира Вятровича постоянно звучат обвинения в глорификации ОУН/УПА и игнорировании фактов причастности националистов к Холокосту⁴³. Тем не менее даже критики признают, что при оценке событий Второй мировой войны на восточном фронте западные подходы продемонстрировали свою неэффективность⁴⁴.

Например, Джон-Пол Химка считает, что типология жертва, преступник, сторонний наблюдатель или коллаборационист абсолютно бесполезны в условиях Восточной Европы ввиду отсутствия определенных констант. Советский военнопленный, который принимал решение вступить в ряды вспомогательной полиции с целью спасти свою жизнь, согласно этой типологии является преступником. Однако есть редкие примеры, когда фактически коллаборационисты могли отпустить евреев во время облав или же поставлять оружие еврейскому движению сопротивления, тем самым превращаясь в спасителя. Те, кто прятал у себя евреев, могли сдать их полиции или убить. На самом деле, на восточном фронте любое гражданское или военное лицо могло многократно изменять свой «статус» в борьбе за выживание⁴⁵.

Формирование современного исторического нарратива, особенно той его части, что касается Второй мировой войны, не согласовывается с доминирующими в европейской истории тенденциями. Георгий Касьянов считает, что модернистский проект, который сейчас реализуется в Украине, обрекает украинских историков на стандартные реакции и эффект дежавю или же на серьезный конфликт с окружением, если он делает выбор не в пользу патриотической парадигмы⁴⁶. Российская агрессия только усилила эти тенденции, так как Украина испытывает

---

⁴³ McBride J. How Ukraine's New Memory Commissar Is Controlling the Nation's Past // The Nation. 13 August 2015. <https://www.thenation.com/article/how-ukraines-new-memory-commissar-is-controlling-the-nations-past/>; Cohen J. The Historian Whitewashing Ukraine's Past // Foreign Policy. 2 May 2016. <http://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-tyatkovych/>; Cohen B., Seidman J. Ukraine's Holocaust Dilemma: Nationalist Heroes Behaving Badly // Forward. 26 September 2016. <http://forward.com/news/world/350820/ukraines-holocaust-dilemma-nationalist-heroes-behaving-badly>.

⁴⁴ Анализ коллаборационизма в Восточной Европе – это общая историографическая проблема, в исследовании которой принимают участие и западные, и восточноевропейские историки. Географическое разделение исторических школ в этой области мало обосновано – *прим. ред.*

⁴⁵ Хімка І.-П. Рецепт Голокосту в посткомуністичній Україні // Україна Модерна. 16 января 2014. <http://www.uamoderna.com/md/223-223>. (Хотя такого рода переходы из одного лагеря в другой являлись на Востоке, действительно, распространенным явлением, полное размывание границ между борцами сопротивления и коллаборационистами малоубедительно – *прим. ред.*)

⁴⁶ Касьянов Г. Современное состояние украинской историографии: методологические и институциональные аспекты // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 499.

острую потребность в патриотическом нарративе, поэтому переключение внимания на ОУН/УПА в данной ситуации является вполне закономерным.

С одной стороны, довольно парадоксально может прозвучать мысль о том, что новый нарратив Второй мировой войны, где будет отображен аспект украинской политической нации, может быть выстроен вокруг Бабьего Яра. В 2016 году весь мир отмечал 75-ю годовщину трагедии. Бабий Яр является одним из крупнейших мест памяти «Холокоста от пуль», согласно определению Патрика Дебуа. С другой стороны, Бабий Яр стал местом массовых убийств не только евреев, которые составляют основное число жертв, но и других групп, среди которых были советские военнопленные, украинские националисты, ромы, душевнобольные, православные священники. Этот фактор существенно влияет на восприятие Бабьего Яра в современной Украине.

Согласно классификации французского историка Пьера Нора, коллективная память сохраняется и воспроизводится через монументальные места (архитектурные сооружения и кладбища), функциональные места (учебники, биографии, ассоциации) и символические места (коммеморации, паломничества, отмечания дат)⁴⁷. Первый монумент жертвам Бабьего Яра был открыт еще в советское время в 1976 году и был вынужденным шагом советского руководства, фактической реакцией на народную инициативу. 29 сентября 1966 года, на 25-ю годовщину трагедии массовых расстрелов, украинские и еврейские диссиденты организовали несанкционированный митинг, который был спровоцирован попыткой власти кардинально изменить топографию Бабьего Яра. В 1950 году местные власти приняли решение заполнить отроги яра песком и проложить через него транспортные артерии, чтобы обеспечить сообщение между двумя киевскими жилищными массивами – Лукьяновкой и Куренёвкой. Хотя данный план и не был полностью реализован, топография Бабьего Яра претерпела изменения, которые привели к Куренёвской трагедии. 13 марта 1961 года селевой поток земляной пульпы, которой замывали отроги яра, прорвал дамбу и смыл несколько жилых домов. Жертвами техногенной катастрофы стали сотни людей, а по Киеву поползли слухи о «мести Бабьего Яра».

В 1967 году был заложен первый камень, а 2 июля 1976 году открыли и сам памятник «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабьем Яру». В официальном посвящении, написанном на украинском языке, указывалось, что «Здесь в 1941–1945 годах немецко-фашистскими захватчиками были расстреляны свыше ста тысяч граждан города Киева и военнопленных» и ни одного упоминания о евреях или Холокосте. В 1989 году памятник дополнили еще двумя памятными плитами, где данная надпись была переведена на русский и иврит. Первый монумент, Менора, посвященный жертвам Холокоста в Бабьем Яру, смогли открыть только в 1991 году, когда Украина стала независимым государством.

---

⁴⁷ Нора П. *Теперішнє, нація, пам'ять*. К., 2014. С. 191.

В 1992 году возле советского памятника появился деревянный крест, установленный в память о 621 члене ОУН, погибшем в Бабьем Яру. Также, неподалеку, была установлена плита с надписью: «На этом месте будет установлен памятник жертвам Холокоста Ромов». В 2000 году недалеко от Меноры был установлен еще один крест, в память об расстрелянных православных священниках. 30 сентября 2001 года, возле станции метро Дорогожичи, которая расположена на территории яра, открыли памятник «Детям, расстрелянным в Бабьем Яру». В 2009 году, возле советского памятника, появилась скульптура молодой женщины, посвященная легендарной подпольщице, Герою Украины, Татьяне Маркус. Полный список памятников, мемориальных знаков и памятных плит насчитывает более тридцати единиц. Такое невероятное количество памятников, как и их хаотическое расположение, является следствием безответственной политики украинских властей, которые раздавали разрешения различным политическим силам и негосударственным организациям при полном отсутствии концепции репрезентации данного места памяти, что провоцировало ропот среди общественности из-за превращения Бабьего Яра в «общежитие»⁴⁸.

Другой, не менее важной проблемой, оставался вопрос официального статуса Бабьего Яра. С 1991 по 2007 год он находился в ведомственном подчинении киевских городских властей. В марте 2007 года Президент Виктор Ющенко своим указом переподчинил его украинскому правительству, а 24 февраля 2010 года повысил в статусе до максимально возможного – создал Национальный историко-мемориальный заповедник «Бабий Яр»⁴⁹.

Идея создания музея Бабьего Яра возникла еще в 2000 году. Однако вопрос его концептуального наполнения оставался дискуссионным. Тогда к этому процессу подключился Американский еврейский объединенный распределительный комитет «Джойнт»⁵⁰, который выделил деньги и выступил с концепцией создать под одной крышей музей Бабьего Яра и еврейский культурный центр «Спадщина». Этот проект был поддержан частью еврейской общины, главный раввин Киева Яков Блаих и Президент Леонид Кучма приняли участие в церемонии установления «закладного камня», которая состоялась на 60-ю годовщину трагедии. Однако против этой концепции выступила Ассоциацией еврейских организаций и общин Украины (ВААД) во главе с ее председателем Иосифом Зисельсом. Он и ряд активистов полагали, что будущий музей и еврейский культурный центр нужно «развести» по разным местам.

Дискуссия вокруг концепции будущего музея Бабьего Яра продолжалась вплоть до 2003 года и увенчалась созданием Общественного комитета для увековечивания памяти жертв Бабьего Яра, который отстаивал идею создания отдельного музея. Активистами комитета являются бывшие советские диссиденты

⁴⁸ Шаповал Ю. Торкнутися історії. К., Дніпропетровськ, 2013. С. 13-24.

⁴⁹ Стриєк. Ставлення України до теми Голокосту. С. 243.

⁵⁰ См. на эту тему: <http://www.jdc.org/about/>.

Иван Дзюба, Мирослав Маринович, Семен Глузман; историки Мирослав Попович, Наталия Яковенко, Виталий Нахманович; журналисты Николай Рябчук, Тарас Возняк. Все они выступили против «приватизации Бабьего Яра». В 2007 году Комитет выступил со своей концепцией музея, которая не только представляла бы массовые расстрелы в Бабьем Яру как «мировой символ Холокоста», но и контекстуализировала бы другие преступления, совершенные нацистским и коммунистическим режимом⁵¹. В 2016 году в 75-ю годовщину трагедии, в Украине на международном уровне были организованы мемориальные мероприятия. В своей речи Президент Петр Порошенко сказал, что к 2021 году в Бабьем Яру будет создан мемориальный центр, правда во время выступления он так и так и не уточнил, какой будет его концепция.

В настоящий момент существует три проекта мемориала в Бабьем Яру. Государственный проект музея, разработка которого началась за год до 75-й годовщины трагедии, предполагал, что будущий музей будет располагаться в здании бывшей конторы еврейского кладбища, которое удалось вернуть в государственную собственность. В начале 2017 года правительство даже выделило деньги на ремонт здания. Для поддержания проекта ВААД Украины и Всеукраинский еврейский конгресс создали Международный мемориальный благотворительный фонд «Бабий Яр». В настоящий момент Фонд, Министерство культуры Украины и Национальный парк «Бабий Яр» работают над трехсторонним договором, который бы установил зону ответственности Фонда в реализации государственного проекта.

Председатель ВААД Украины, Иосиф Зисельс, считает, что музей должен будет представлять государственную инклюзивную версию трагедии, где будет предоставлено место для памяти всех групп жертв Бабьего Яра: «Важно то, что это музей – государственный с некоторым общественным участием, и в нем, я надеюсь, будет отражена государственная точка зрения на Бабий Яр и различные группы жертв Бабьего Яра. Конечно, прежде всего, это еврейские жертвы, которых около семидесяти тысяч, но в то же время, я думаю, государственный взгляд учтет и то, что в Бабьем Яру были расстреляны и другие группы населения. Это жители Украины, военнопленные, и, наверное, не только жители Украины, и больные из психбольницы, которая находится на Сырце, и украинские националисты, которые тоже там были расстреляны, и ромы – три табора, если я не ошибаюсь, православные священники, которые пытались защищать евреев и так далее. То есть как-то хочется "пропорционально" отдать дань памяти всем этим группам. Тогда это будет музей Бабьего Яра»⁵².

---

⁵¹ Там же. С. 244-255.

⁵² Зисельс И. Отношение к Холокосту – это проверка на европейскость: о проектах мемориализации пространства Бабьего Яра // Ассоциация еврейских организаций и общин Украины (Ваад). 6 июля 2017. <http://www.vaadua.org/http%3A/vaadua.org/news/iosif-zisels-o-proektah-memorializacii-prostranstva-babego-yara>.

Второй проект «Бабий Яр – Дорогожицкий некрополь» также начали разрабатывать в 2016 году. Целью этого проекта является создание мемориального парка на территории в 70 гектар, главным вызовом, с которым предстоит столкнуться организаторам, является создание единой концепции, которая позволила бы объединить уже имеющиеся на территории Бабьего Яра монументы и памятные знаки. Проект не имеет такого публичного резонанса, как вопрос создания музея Бабьего Яра. Основное бремя ответственности за него лежит на канадском фонде «Еврейско-украинская встреча», который спонсируется канадцем украинского происхождения Джеймсом Темертеем⁵³.

Третий, наиболее дискуссионный проект, был инициирован 28 сентября 2016 года во время 75-й церемонии трагедии Бабьего Яра. Его поддерживают ряд российских олигархов украинского происхождения – Михаил Фридман, Герман Хан и Павел Фукс, а также украинский бизнесмен, зять второго Президента Украины Леонида Кучмы, Виктор Пинчук. Намерения российских олигархов взяться за финансирование такого значимого проекта в условиях украинско-российской войны вызывают беспокойство общественности и ряда экспертов. Идея данного проекта предполагает сосредоточиться исключительно на Холокосте. Как отмечает Иосиф Зисельс: «В самом названии "Мемориальный центр Холокоста Бабий Яр" уже скрыто противоречие. Бабий Яр был только частично Холокостом, он был "шире", чем Холокост в этом месте. Холокост ограничен тем, что он рассматривает только еврейские и ромские убийства в то время. Остальные в него не входят»⁵⁴.

В условиях российской агрессии и манипуляций вокруг истории Второй мировой войны в информационном пространстве реализация подобного проекта может негативно сказаться на украинско-еврейском диалоге взаимопонимания, который начался после Евромайдана. Глубокое беспокойство этой ситуацией выразила в своем письме-предупреждении и группа украинских историков⁵⁵.

К тому же реализация фактически иностранного проекта без одобрения всей еврейской общины Украины является ярким примером колониального подхода. «И тут опять появляется патерналистский подход. Тогда (исходил он) из Америки, с "Джойнтом" в 2003 году, сейчас такой же из России, – говорит Иосиф Зисельс. – Они, как бы, лучше нас знают, что нужно строить в Бабьем Яру. Это большая проблема. Именно это и смущает многих историков, в том числе и тех, которые были приглашены в проект... Марек Сивец⁵⁶ утверждает, что это укра-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Зисельс Й. Меморіальний центр Голокосту «Бабин Яр» – проект патерналістський // Историческая правда. 13 июля 2017. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2017/07/13/150044/>.

⁵⁵ Письмо-предупреждение украинских историков по поводу планов сооружения Мемориального центра Холокоста «Бабий Яр» // Комитет «Бабий Яр». 23 марта 2017. <http://www.kby.kiev.ua/komitet/ru/documents/art00163.html>.

⁵⁶ Марек Сивец – польский политик, бывший глава Бюро национальной безопасности Польши, член Европарламента. Возглавляет Мемориальный центр Холокоста «Бабий Яр», который продвигает свой проект музея в Бабьем Яру.

инский проект, но все видят, что он российский. Пока в нем нет ничего украинского»⁵⁷.

Вторым камнем преткновения «патерналистского» проекта, который также вызвал горячие обсуждения, стал выбор места для будущего мемориала. Согласно плану, он будет построен на месте бывшего кладбища, что противоречит еврейской религиозной традиции, которая запрещает строить что-либо на месте захоронений. Зисельс настаивает, что мемориальный комплекс Бабьего Яра должен быть украинским проектом, реализованным при поддержке государства. В любом случае реализация этого проекта будет проблематичной до тех пор, пока не будет достигнут консенсус относительно концепции мемориала как внутри еврейской общины, так и между всеми украинскими гражданами⁵⁸.

Украинский историк и активист Виталий Нахманович считает, что на сегодняшний день Бабий Яр – это «место не-памяти». Он обращает внимание на две главные проблемы: этическую и культурную, без решения которых мы обречены ходить по кругу относительно концепции будущего мемориала в Бабьем Яру. Этический момент уходит своими корнями в советское атеистическое прошлое, а веянья постмодернизма только усилили сформированное на постсоветском пространстве равнодушное отношение к некрополям. В культурологическом плане, по мнению Нахмановича, мы все еще пребываем в плену стереотипа, что масштаб трагедии можно передать только не менее масштабным мемориалом, из чего он делает вывод: «Вызов Бабьего Яра требует принципиально новых подходов, которые бы включали такие радикальные шаги, как "возвращение" Холокоста во всемирную историю, превращение его из уникального события в универсальный символ... Современная ситуация в Украине и мире не дает надежды на скорое решение этих глобальных проблем. Поэтому все, что нам остается, это сберечь Бабий Яр для следующих поколений, которым, возможно, удастся то, что не смогли сделать те, кто пережил самую ужасную катастрофу в истории человечества ... и их дети, которые не могут перестать смотреть на мир глазами своих родителей»⁵⁹.

Очевидно, что дискуссии вокруг мемориала в Бабьем Яру являются следствием отсутствия в Украине государственной исторической политики в отношении Холокоста ввиду ряда объективных причин. С одной стороны, олигархические кланы рассматривали Украину как свой частный бизнес-проект, где гуманитарной политике отводилась второстепенная роль, с другой – историческая политика была инструментом борьбы за власть, а потому была направлена на решение тактических задач при полном отсутствии стратегической перспективы развития.

Провинциализация украинской исторической науки в советский период привела к тому, что после обретения независимости украинским историкам при-

---

⁵⁷ Зисельс. Меморіальний центр Голокосту «Бабин Яр».

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Нахманович. Бабин Яр: місце пам'яті. С. 334.

шлось фактически с нуля писать историю Украины, особенно это справедливо в отношении истории XX века, которая практически полностью была фальсифицирована. Не удивительно, что в таких условиях основное внимание было приковано к проблемам украинской национальной истории, в то время как история национальных меньшинств, включая и еврейскую, в большей мере разрабатывалась общественными организациями. Свою роль в становление современного гранд-нарратива украинской истории сыграло и влияние диаспоры со всеми позитивными и негативными аспектами.

В 2000 году в Европе Холокост стал объектом транснациональной памяти, в то время как украинская память об «окончательном решении» еврейского вопроса все еще оставалась маргинализированной и зависела от политической конъюнктуры, которая балансировала между украинским националистическим и российским ностальгическим нарративами. Актуализация темы Холокоста в публичной сфере началась с приходом к власти «оранжевой команды» Виктора Ющенко, который стал первым «историческим президентом» Украины. К этому времени вопрос, поставленный на повестку дня американским историком Марком фон Хагеном «Есть ли у Украины история?», получил позитивный ответ и национальный гранд-нарратив Второй мировой войны начал интегрировать истории национальных меньшинств. Евромайдан, аннексия Крыма и российская агрессия на Донбассе ускорили процесс формирования украинской политической нации.

Траектория восприятия Холокоста в Украине прошла путь от маргинальной темы до включения его в украинский исторический нарратив Второй мировой войны. Этот процесс еще далек от завершения и провоцирует много дискуссий относительно участия украинцев и украинского национального движения в «окончательном решении», что является основой современного украинско-еврейского диалога взаимопонимания.

Создание инклюзивного мемориала Бабьего Яра соответствует современной концепции Второй мировой войны, где украинцы представлены «как безгосударственная разделенная нация». Нация в данном контексте имеет политическое значение и включает всех граждан бывшей УССР независимо от их этнического происхождения. В настоящий момент именно такое видение Второй мировой войны активно продвигается на государственном и общественном уровне. Тем не менее следует понимать, что дискуссия о сложной истории украинско-еврейских отношений только началась. Во избежание конфронтации реализация проекта мемориального комплекса в Бабьем Яру требует общественного консенсуса.